

ГОГОЛЬ И АЛЕКСАНДР ТУРГЕНЕВ

(к проблеме русского европеизма)

Гоголь и А.И.Тургенев были знакомы, неоднократно встречались, в дневниках Тургенева имя писателя упоминается в записях разных лет, что в свое время стало предметом внимания М.И. Гиллельсона¹, характер отношений двух литераторов нашел отражение и в книге Ю.В.Манна². И все же упоминание имени Гоголя в контексте русского европеизма может вызвать некоторое недоумение. Правда, можно вспомнить, что еще Г.Флоровский счел возможным заметить: «В своем мировоззрении и в складе душевном он был весь западный»³, а К.Аксаков, обращаясь к писателю после прочтения «Выбранных мест...», запальчиво восклицал: «Не вы ли, беглец родной земли, жили на Западе и вдыхали в себя его тлетворные испарения? <...> Вы имели дело с Западом, с этим воплощенным лгуном, и ложь его проникла в вас»⁴. Однако данное утверждение не так трудно оспорить.

Гоголевское пребывание в Европе, делящееся с небольшими перерывами с 1836 по 1848 гг., не могло не сказаться определенным образом на его творчестве. Эпистолярное наследие этих лет может стать предметом сопоставления с письмами русских европейцев; «Выбранные места из переписки с друзьями», выдержанные в форме писем и в виде отдельных тетрадей пересылаемые в Россию П.А.Плетневу, конечно, не уподобляются корреспонденциям Тургенева, получившим название «Хроника русского», однако в известном смысле могут быть идентифицированы как европейские письма русского писателя: они создаются в Европе, содержат ряд сведений о европейской культурной жизни и ориентированы на достаточно широкий круг читателей. География путешествий Гоголя, его бесконечное перемещение по Европе (при всей привязанности к Риму), сопоставление Запада и России также сближает писателя с русскими европейцами. Вместе с тем, мировоззренчески Гоголь далек от европеизма.

В какой мере природа разногласий А.Тургенева и Гоголя в 1840-е обусловлена отношением того и другого к европеизму? — думается, это небесплодный для истории русской эстетической мысли вопрос. При этом хотелось бы обозначить место Гоголя в контексте русского европеизма в целом. Конечно, контекст чрезвычайно обширен. И все-таки европейские корреспонденции и дневники Александра и Николая Тургеневых, В.А.Жуковского, П.А.Вяземского, раннего С.П.Шевырева, с одной стороны, гоголевские «письма» разного рода, создаваемые в Европе, с другой, «Парижские письма» П.В.Анненкова, «Письма из Испании» В.П.Боткина, «Письма с того берега» и «Письма из Франции и Италии» А.И.Герцена, а также позднее созданные, но потенциально зарождающиеся в конце 1830 — в 1840-е гг. «Замогильные записки» В.С.Печерина могли бы сложиться в некую системную картину, отчасти намеченную, но не выстроенную современными исследователями⁵.

Александр Тургенев, пожалуй, с максимальной полнотой воплощает сам типаж русского европейца первой половины XIX в., проявляющий себя не только в определенном образе жизни (культурное странствование по Европе), но и — что гораздо важнее и интереснее — определенный тип сознания. Недаром именно с личностью А.Тургенева связано множество определений, то шуточных, то серьезных, нередко данных одним и тем же лицом, что свидетельствует о потребности запечатлеть в слове этот типаж, передать его устойчивые и вместе с тем подвижные черты: «энциклопедический паровик» (П.А.Вяземский⁶), «весь для дел, весь для рассеянности, весь для дружбы» (он же⁷), «во всей Европе был он как дома, у себя» (М.П.Погодин⁸), «гонитель иезуитов, / И кум митрополитов» (П.А.Вяземский⁹), «его европейское сплетничанье было не бесполезно и не без достоинства» (А.С.Хомяков¹⁰). Показательна характеристика Вяземским корреспонденций Тургенева как стенографирования «лихорадки парижской жизни»¹¹, о «Хронике русского» сказано: «Кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего»¹².

В этих, а также других высказываниях запечатлена и та черта сознания Тургенева, о которой он сам не только знал, но и сетовал на нее (и которая, в той или иной степени, была присуща именно русскому европейцу), — это фрагментарность, отрывочность: жизни, сознания, сочинений. В одном из писем к Вяземскому Тургенев горевал, что в очередную встречу, как всегда, не успели «отвести душу <...> хоть одним душевным разговором», и резюмировал: «То же будет и с жизнью. Проведем всю в сборах жить»¹³.

Говоря о Тургеневе и Гоголе, представляется важным на первый план вынести не биографический аспект и не рецепцию гоголевского творчества одним их современников, а культурную и духовную соположенность различных творческих умонастроений, одновременно и феноменальных, и обусловленных конкретными историко-культурными предпосылками.

Тургенев — не более чем хороший знакомый Гоголя, душевная близость с которым не предполагается. Но Гоголь точно понял культурное амплуа Тургенева, его привычку к энциклопедическому собиранию разнородных материалов. В конце 1844 г. он писал С.П.Шевыреву: «...Жаль, что ты не обобрал Тургенева, когда он был в Москве. У него множество бумаг того времени, весь протокол арзамасских заседаний; и множество стихов Жуковского, писанных в тогдашнее время, о котором никто и даже сам Жуковский не знает» (XII, 398). Из устных высказываний Тургенева Гоголь выделяет те, которые наиболее афористично характеризуют мировоззрение русского европейца: «Тургенев, между прочим, — замечает он Н.М. Смирнову, — сказал важную истину, <...> что, живя за границею, тошнит по России, а не успеешь приехать в Россию, как уже тошнит от России» (XI, 108).

Хотелось бы высказать предположение, что тип тургеневского жизненного и литературного стиля мог найти определенное выражение в гоголевском «Риме», обозначенном автором как «отрывок», но тяготеющем к внутренней смысловой целостности. «Между прочим, — советовал Гоголь С.П.Шевыреву в мае 1839 г., — не забудь проведать и найти Тургенева

(если только он в Париже). Он вам очень будет полезен» (XI, 233). Тургенев, действительно, жил в Париже с конца сентября 1837 до конца мая 1839 гг.

Герой Гоголя в «Риме», как ни странно, проходит путь, сходный с тем, что суждено было пройти некоторым русским европейцам. Вначале молодой князь поставлен в позицию русского молодого дворянина: у него есть «учитель, гувернер, дядька и все что угодно», а «также аббат, строгий классик» (Ш, 219). «Горизонт сведений воспитанника» (Ш, 220) оказывается невелик, и он попадает в сходное с русским молодым человеком начала XIX в. положение: испытывает потребность и наконец получает возможность отправиться в «чужие края».

Образ жизни князя в Париже удивительно напоминает тургеневский. В гоголевском тексте иронично подается не только стиль самой жизни в Париже, но и стиль восприятия этой жизни. Князь ожидает встречи с Парижем и переживает ее как типичный русский европеец: «Он ждал с **нетерпением** Парижа, населял его башнями, дворцами, **составил себе по-своему образ его** и с сердечным трепетом увидел наконец близкие признаки столицы» (Ш, 222)¹⁴. Можно сказать, что князь погружается в «лихорадку парижской жизни». В конечном же итоге князь оказывается одновременно и двойником русского европейца, и пародией на него.

Ряд гоголевских характеристик князя обнаруживает идентичность с теми определениями, которые давались Тургеневу его знакомыми и нередко совпадали с его самохарактеристиками. Князь бродит по улицам Парижа, «не в силах собрать себя» (Ш, 223), это напоминает сетование Тургенева на то, что вся жизнь проходит лишь в сборах жить. Герой «Рима», «в девять часов утра, **схватившись** с постели <...> уже был в великолепном кафе», «в **один миг** он переселялся весь на улицу» (Ш, 224). «Побежал», «поскакал» — любимые глаголы Тургенева и в целом — русского европейца. «Оставив камердинера с вещами в трактире, побежал отыскивать знаменитого Чокке, историка и литератора, — констатирует Тургенев, — <...> меж тем, как мне готовился здесь обед, я **обегал** колодцы, бани (серно-вонючие), осмотрел

бани для бедных <...> немедленно отправился к старому приятелю», «спешу в оперу»¹⁵.

Князь созерцает, впитывает в себя все, что его окружает, и само многообразие впечатлений предопределяет их пестроту, поверхностность. Гоголевское словечко «зевал», конечно, не применимо к Тургеневу, но, будучи в данном случае синонимом глагола «глядел», оно фиксирует зачарованность многоликостью и пестротой жизни. В этом контексте увиденное и услышанное уравниваются, и ничто не предполагает непосредственного, личного участия, ни «политические известия», ни «анекдоты».

Корреспонденции Тургенева сводят воедино разнородный материал, можно сказать, «всякую всячину» европейской жизни, и гоголевское слово «куча», характеризующее массу разнородных вещей — объявлений, вывесок, магазинов, театральных представлений, может быть отнесено, в известном смысле, к «Хронике русского» Тургенева. Париж все, что может (или должно) таится «внутри», — выносит на «улицы», усиливая впечатление от внутренности театров, магазинов — зеркалами. Зеркала придают бытовым вещам новый облик, создают иллюзию чарующего блеска и света. «Но что это за божественная вещь!» (Ш, 223), — восклицает князь.

Не так ли, пропустив европейскую жизнь через некое увеличительное зеркало, русский европеец Тургенев позволяет читателю восхититься чуть ли не божественным ее ликом, но не помогает в этой «куче» многообразных явлений разглядеть детально то, что может быть либо созвучно своей душе, либо принципиально для нее неприемлемо. Стиль подачи европейского материала в данном случае таков, что не предполагает аналитического его осмысления.

Подобно Тургеневу, гоголевский герой «принялся слушать всех знаменитых профессоров», «не пропустил <...> ни одного знаменитого проповедника, публициста, оратора камерных прений и всего, чем шумно гремит в Европе Париж» (Ш, 226). Князь «сухой, тощей, драматической

сцене Италии» противопоставляет «живое, торопливое драматическое наводнение» в Париже, «где все ковалось пока было горячо, где всякий боялся только, чтобы не остыла его новость» (Ш, 225). Тургенев был огорчен известием, что Пушкин собирается издавать не ежемесячный журнал, а Review: «Я собирался быть его деятельным и верным сотрудником и сообщать животрепещущие новинки из области литературы и всеобщей политики, но какой интерес могут иметь мои энциклопедические письма чрез три или четыре месяца? Вся жизнь их эфемерная, и они не выдержат *квартального* срока»¹⁶.

Гоголевский «Рим» Тургеневу не понравился. В Дневнике он записывает: «...Я бы не с этой стороны желал видеть и следить римлян и Рим. Конечно, и в этом много истины, но всеми ли истинами должно заниматься эстетическое чувство?»¹⁷. М.И.Гиллельсон замечает, что Тургеневу, как и Белинскому, была чужда идейная атмосфера этой повести, а именно — противопоставление величия древности суетному духу XIX века, явная неприязнь к европейской цивилизации¹⁸. Правомерен вопрос: что еще разводило двух современников, не исключая при этом и знаменательных схождений, которые можно было определить как схождения-отличия?

«Тут есть все и обо всем»¹⁹, — написал Тургенев об одном из парижских журналов, характеризуя произвольно и собственную Хронику.

«Все и обо всем» — это и гоголевский принцип, заявленный им еще в ранних записных книжках и по-своему продолженный в «Выбранных местах из переписки с друзьями», с той лишь, правда, существенной поправкой, что энциклопедизму в новой книге противопоставлена сознательно выраженная авторская позиция.

Приехав в Европу и проезжая Гамбург, Бремен, Ахен, Дюссельдорф, Франкфурт-на-Майне, Баден-Баден, Женеву и т.д., Гоголь напоминает форму бытия в Европе Тургенева, который писал из Венеции: «Я решился скорее убираться отсюда, обскакать Рим, Неаполь, — может быть, и Сицилию, и возвратиться...»²⁰. «Страннический посох», который упоминает в своих

письмах Гоголь, верно служит Тургеневу, как и многим другим русским европейцам. В соответствии с этим неизбежно единым оказывается мотив путешествия — дороги — пути. Конечно, у европейцев это прежде всего путешествие; лишь объективно, со стороны, можно увидеть в бесконечных поездках искание или даже выстраивание собственного пути. Гоголь, если и не нацеленный изначально на построение своей духовной дороги, в создаваемых позже текстах акцент сделает именно на осознанности замыслов и устремленности к их воплощению. Создается впечатление, что Гоголь «продлевает», «продолжает» путешествия русских европейцев, привнося в них ту осознанность и концептуальность, которая не предполагалась в первые десятилетия XIX века, он словно «дописывает» эти путешествия, прибавляя к ним ту часть, то логическое финальное завершение, которое, вероятно, было им не чужеродно, которое, быть может, потенциально было заложено в европейских путешествиях русских, но в силу тех или иных причин не воплощено.

Поездки русских путешественников, как они задумывались и чаще всего осуществлялись, — это форма интеллектуального совершенствования, расширения умственного кругозора, поэтому описания их (в письмах, хрониках, в путевых заметках) могли содержать и план, и отчет, и самоотчет. Жуковский в 1805 г. сообщал А.Тургеневу о намерении «год пробыть в Геттингене, учиться; еще год в Париже, также учиться; потом год ездить по Европе» и подытоживал: «Путешествие будет для меня важным делом»²¹. Более поздние дневники Жуковского, содержащие описание заграничных путешествий, — это и «хроника русского за рубежом» (по определению А.С.Янушкевича), и «летопись становления общественного человека»²².

Проходя через сходные формы культурно-бытовой жизни, Тургенев и Гоголь извлекали из нее каждый свое содержание, в котором все более обнаруживался некий принципиальный и сознательно оберегаемый тем и другим стержень. Тургенев, эклектично собирая разрозненные европейские впечатления и не отказываясь от этого любимого занятия, неуклонно

осуществлял свою мечту максимально полного сбора архивных материалов по истории России и русско-европейских отношений. Можно сказать, что он двигался в том направлении, которое первоначально намечал для себя Гоголь: историографические ученые занятия. Гоголевское же движение — это движение от локализованного в той или иной сфере труда (научного, эстетического) в сторону совсем иной «локализации» — максимального сосредоточения духа. Вопрос, при этом возникающий, — вопрос об обусловленности, пусть даже опосредованной, этого движения европейскими впечатлениями. Дистанцируясь, отталкиваясь от них или ими питаясь, писатель встает на путь последовательного, осознанно совершаемого духовного труда? Даже если исходить из того, что существенной эволюции Гоголь не претерпел, поставленный вопрос остается, поскольку к духовной прозе он обращается именно в 40-е гг.

«Выбранные места...», создаваемые Гоголем за границей, можно истолковать как своего рода избранное из заграничного эпистолярия, созданного или возможного. В отличие от русских европейцев, Гоголь не всю свою «корреспонденцию» отправляет в Россию. Из того, что стало предметом созерцания, наблюдения, размышления, он выбирает лишь самое необходимое — как автору, так и читателю. Поэтому на иных началах, чем у Тургенева, организуется гоголевский текст. На смену напряженности, ускоренности и ритма жизни и ритма описания («спешу», «обскакать») приходит позиция приостановки жизни, и необходимой, и неизбежной. Если в одном случае письма-корреспонденции создаются и тут же отсылаются (с опасением, что не тотчас будут опубликованы), то в другом — частные письма, которые предполагается включить в книгу, могут быть востребованы назад и из них выбираются лишь те, которые не потеряли смысл. В тургеневской хронике запечатлен некий интеллектуальный пир жизни, в гоголевской — на первый план выведена тема Великого поста, духовного самоосмысления. В первой — изысканность культурной иронии, во второй — выдержанная установка на серьезность тона и смысла. Коллективного

обсуждения ожидает один и уединенного осмысления — другой. О «пользе» думают оба, но если Тургенев уверен в оправданности всех его корреспонденций, то Гоголь прежние сочинения относит к «необдуманном и незрелом» (УШ, 216). Жуковский в начале пути убеждал Тургенева: «Мы можем быть полезны пером своим, не для всех, но для некоторых, кто захочет нас понять»²³. Гоголю хотелось бы преодолеть ориентацию литературы на избранных и понимающих и быть услышанным каждым.

Высказанные наблюдения, думается, могут привести к выявлению некоторых закономерностей как в развитии русского европеизма, так и функционировании его в контексте русской культуры.

Частные письма Александра Тургенева и Гоголя, будучи сопоставлены, выявляют принципиальное мировоззренческое и стилевое различие, обусловленное не только человеческой индивидуальностью того и другого. Жуковский советовал писать Тургеневу целостные «записки» и «мысли», но тот сетовал: «После двадцатилетней моей жизни, я еще не соберу свои обыкновенные мысли, не совладаю с расслабленными силами ума и не могу читать одну книгу сряду и со вниманием не развлеченным»²⁴. «Что мне с тобой делать? — восклицал Вяземский. — Ты мечешься из угла в угол по белому свету, как угорелый кот, к которому под хвост подвязали бы колокольчик или хлопушки, и удивляешься, что не получаешь писем. Какая тут, чорт, *post restant!* <...> Разве прибегнуть к «Адской почте» Федора Эмина»²⁵.

Гоголевские европейские письма второй половины 1830-х гг., несмотря на частые переезды писателя из города в город и из страны в страну, обнаруживают иную тенденцию. Сходные с тургеневскими описания заграничных впечатлений (например, оперы в Риме) оттесняются другими. В письмах проступает гоголевский интерес к живому процессу жизни. Письмо оказывается той формой, которая способна продлить «юность» и «свежесть». А.С.Данилевскому, другу юности, пишет о том, что они приближаются к порою, «когда уходят на дно глубже наши живые впечатления», когда «кора,

нас облакающая», может обратиться «в такую толщу», сквозь которую этим впечатлениям «никак нельзя будет пробиться». «Пусть же мы встретим нашу юность, наши живые, молодые лета, наши прежние чувства, нашу прежнюю жизнь, пусть все это мы встретим в наших письмах. Пусть хотя там мы предадимся лирическому сердечному излиянию <...>» (XI, 196). На самом деле, «лирическое излияние», лирическое чувство оказывается доступно и в самой жизни. Жуковскому Гоголь пишет (февраль 1839): «Колорит потеплел необыкновенно, всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят красок. Как чудно! В других местах весна действует только на природу: вы видите, оживает трава, дерево, ручей. Здесь же она действует на все: **оживает** развалина, оживает плис на куртке бирбачена, **оживает** высеребренная солнцем стена простого дома, **оживают** лохмотья нищего, **оживает** ряса капуцина с висящими назади капуцио <...>» (XI, 202).

Как и Тургенев, Гоголь упоминает «проповеди», которые ему доводится слушать, но упоминает совершенно в ином контексте: не интеллектуальной европейской жизни, а просто жизни. Отдав дань в первые годы традиционным, почти культовым описаниям (местоположение того или иного города, его форма, окрестный вид, культурные места), Гоголь не считает нужным продолжать в этом духе, тем более не стремится сверить свои непосредственные впечатлениями, с теми, что были почерпнуты из книг. «Уже я привык к окружающему, и потому описание его, сомневаюсь, чтобы было любопытно» (XI, 60). «Что тебе сказать о Швейцарии? Все виды да виды, так что мне уже от них наконец становится тошно <...>» (XI, 61). Правда, тем, кто не вкусил еще этих видов (матери, М.П.Балабиной), кто не будет сличать гоголевские описания с какими-либо другими, Гоголь вышлет достаточно подробное и живое описание. Он не измеряет неким универсальным культурным критерием то, что видит вокруг себя, а отыскивает, устанавливает и с природным и культурным миром, его окружающим, свои личные, непосредственные контакты: «С этими

прекрасными синими и голубыми горами <...> я сделался приятель» (XI, 72); «Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-синерозовые ее горы легче и воздушнее» (XI, 73). «Но вы знаете, что такое молодая, свежая весна среди дряхлых развалин, зацветших плющом и дикими цветами» (XI, 144). «...В эту минуту грянул прекрасный, проливной, летний, роскошный дождь, на жизнь и радость розам и всему пестреющему около меня прозябанию» (XI, 147). «Поток света. Ей, ей, полнеба тонет в свету» (XI, 179). «Зима в Риме холодна, как никогда; но утром морозы, но днем солнце, и мороз бежит прочь, как бежит свет от тьмы» (XI, 197-198).

Гоголь не столько наблюдает, собирает, комментирует те или иные факты, сведения (как это делали русские европейцы), сколько живет в Европе. Продолжая традицию, сравнивает Италию — Францию — Германию, но вновь возвращается к непосредственной жизни. «Посох мой страннический уже не существует!» (XI, 132), — сказано в 1838 г., за десять лет до возвращения в Россию, хотя поездки по Европе продолжаются.

Цельность европеизма — цельность общения, культурного самоосуществления в рамках определенного круга. Эклектизм, фрагментарность (как составляющие личности и создаваемых текстов) компенсировались, выправлялись тесным взаимодействием с другими, родственными по духу людьми, создавая впечатление или иллюзию целостности. «Александр Тургенев, — замечал Вяземский, — был типичная самородная личность, хотя и не было в нем цельности ни в характере, ни в уме. Она была природы эклектической, сборной или выборной. В нем встречались и немецкий педантизм, и французское любезное легкомыслие: все это на чисто русском грунте, с его блестящими свойствами и качествами и, может быть, частью и недостатками его. Он был умственный космополит: ни в каком участке человеческих сознаний не был он, что называется, дома, но ни в каком участке не был и совершенно лишним»²⁵. Вяземский как-то написал Тургеневу: «Если и ты меня понимать не будешь, ты, сосуд, в который сливаю без разбора весь мед, всю желчь души моей, то придется

запрудить мне мой поток и, на страх разорваться, осудить себя на глухое и сообщающееся кипение»²⁶. Тургенев отвечал ему: «Нет, кипи, моя радость, и изливай себя в сосуд, который, пока не разобьется или я не разобью его, и горечь и сладость от тебя принимать будет»²⁷.

Можно было бы сказать, что сложился некий эзотерический круг, если бы мысль его представителей не устремлялась во все стороны и не пробивала бреши в элитарной броне.

Одобрительно отзываясь о «Парижских письмах» П.В.Анненкова, Гоголь советует писать ему записки о русских городах, с тем, чтобы разрешить задачу, «что такое нынешний русский человек» (XIII, 363-364). Поездкам по Европе противопоставлены поездки по России («Нужно проездиться по России» — своеобразный лейтмотив «Выбранных мест из переписки с друзьями»), энциклопедическому собиранию внешнего — духовное собирание своего внутреннего «я».

Знаменательно, что культурно-духовный перелом, приходящийся на 1840-е гг., ощутили и русские европейцы. Жуковский писал А.Тургеневу в январе 1844 г.: «Мы оба растратили множество жизни по пустякам. Все пошло на минуты. Что тебе осталось от твоей беготни по лекциям, по проповедям, по салонам и прочее? Что ты узнал и чему веришь?» — и резюмировал: «Минута христианства для нас наступила»²⁸. В этом контексте примечательно сближение Гоголя и Тургенева в их уважительном и заинтересованном отношении к священнику русской церкви в Веймаре С.К.Сабинину.

Русские европейцы путешествовали по западным странам, чтобы рассказать о них русским. Гоголь отправляется в Европу, чтобы русским сказать о России. В начале века осознали, что недостаточно знают Европу, теперь — что «велико незнание России посреди России» (УШ, 308). Русские европейцы направлялись в Европу, набрав определенный запас культурных сведений о ней. Гоголь советует начать изучение России, признав полноту своего незнания и отказаться от предвзятых, чужих мнений, а, кроме того,

изучать не памятники, а людей, жизнь. Можно сказать, что происходит определенная смена культурных парадигм: проездиться по России в это время успевают Белинский, Щепкин, Шевырев. Еще в конце 1830-х гг. поездку по России (вместе с наследником) совершил Жуковский.

Гоголь по-своему завершает и оспаривает тот ряд сочинений, которые создавались русскими европейцами, он преодолевает поэтику подобных сочинений, хотя в чем-то ощущает личную связь с нею. Он подводит некую черту, за которой умонастроение русского европеизма утрачивает внутреннюю монолитность и становится предметом последовательной рефлексии. Гоголь — объективно — замыкает и исчерпывает цепочку хроник, путевых заметок, писем русских европейцев и предваряет Герцена, который, являя русский европеизм, в то же время смотрит на него со стороны и выявляет разновидности этого явления: русский на Западе — русские тени — русские скитальцы — русская эмиграция²⁹. Гоголь не столько оспаривает идеологию и эстетику русского европеизма, сколько предлагает иную форму самоосознания русского в Европе. На смену буквальному путешествию приходит «путешествие» внутрь себя, предлагаемое и другому как возможный путь духовного становления; разговору, интенсивному общению с современником противопоставляется «собеседование» со святоотеческим преданием; спорам в гостиных и салонах — если не молчание, то сдержанность слова. Поэтому и с самим Тургеневым Гоголь в Париже не вступает в прямой спор (это можно было бы по контрасту соотнести с аксаковской реакцией на некоторые высказывания Тургенева в Москве, в 1845 г.³⁰). В культурном явлении, исторически обусловленном и сыгравшем значительную роль в развитии русского общественного и литературного сознания, в этот момент, быть может, уже не видится та масштабность и значительность, на которую невозможно не отозваться.

В результате Гоголь по-своему открывает путь совсем иным «корреспонденциям» из-за границы. Спустя полтора десятилетия после

выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» воскликнет: «Что я вам напишу? что расскажу нового, еще неизвестного, нерасказанного? Кому из нас, русских (то есть читающих хоть журналы) Европа не известна вдвое лучше, чем Россия?»³¹. Достоевский заостряет, гиперболизирует ситуацию своеобразного пробега по Европе за весьма короткий срок, полемически дистанцируясь от прежних русских путешественников по Европе: Карамзина, Фонвизина и готов отыскать совершенно новую позицию для русского человека, литератора, впервые прибывшего в Европу и возросшего на убеждении, что «все, решительно почти все, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, все, все ведь это оттуда, из той страны святых чудес»³².

Взявшись за описание европейских впечатлений, Достоевский, по сути, формулирует, развивает и оспаривает впечатления русские, настаивая, что вопросы, возникающие в голове русского путешественника, оказавшегося за границей, — это прежде всего вопросы, касающиеся нас самих.

Можно сказать, что и очерки Салтыкова-Щедрина «За рубежом», созданные в начале 1880-х гг., — также попытка понять, разгадать природу русского.

Книга Гоголя, в каком-то смысле прототипична по отношению к этим сочинениям.

Примечания

¹ Гиллельсон М.И. Н.В.Гоголь в дневниках А.И.Тургенева // Русская литература. 1963. № 2.

² Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004.

³ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. 3-е изд. Paris, 1983. С. 260.

⁴ Русский архив. 1890. № 1. С. 154–155.

⁵ См.: Кантор В. Русский европеец как явление культуры (Философско-исторический анализ). М., 2001; Щукин В. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007.

⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. Репринтное издание. Т. II. М., 1994. С. 213.

-
- ⁷ Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. I. 1814–1833 годы. Пг., 1921. С. 63.
- ⁸ Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 247.
- ⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. С.33.
- ¹⁰ Барсуков Н. Указ соч. Кн. 8. С. 243.
- ¹¹ Современник. 1836. Т. II. С. 312.
- ¹² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. С. 281.
- ¹³ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I. С. 190.
- ¹⁴ Здесь и далее в цитатах жирным шрифтом слова выделены мною, курсив (в дальнейшем) автора цитируемых строк. — *Е.А.*
- ¹⁵ Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 29, 30, 32.
- ¹⁶ Там же. С. 88.
- ¹⁷ Русская литература. 1963. № 2. С. 139.
- ¹⁸ Там же. С. 493.
- ¹⁹ Тургенев А.И. Хроника русского. С. 10.
- ²⁰ Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. С. 117
- ²¹ Письма В.А.Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1985. С. 4.
- ²² См.: Янушкевич А.С. Дневники В.А.Жуковского как литературный памятник // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. М., 2004. Т. 13. С. 410, 411.
- ²³ Письма В.А.Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 4.
- ²⁴ Остафьевский архив. Т. II. С. 65.
- ²⁵ Там же. С. 243.
- ²⁵ Вяземский П.А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 174-175.
- ²⁶ Остафьевский архив. Т.П. С. 92.
- ²⁷ Там же. С. 99.
- ²⁸ Письма В.А.Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 293.
- ²⁹ См.: Кузьмина М.Д. «Былое и думы» А.И.Герцена: проблема русского европеизма. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. СПб., 2007.
- ³⁰ См.: Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 205, 612.
- ³¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1973. Т. V. С. 46.
- ³² Там же. С. 51.